

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Т46

Научные комментарии *Юлии Матвеевой*.

Художественное оформление *Анастасии Зининой*.

В оформлении использованы фотографии со съемок фильма «Пророк. История Александра Пушкина» (2025, производство ООО «Централ Партнершип», ООО «Киностудия «Слово», ООО «Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова»).

Тиханова, Ольга.

Т46 Пророк. История Александра Пушкина : новеллизация / Ольга Тиханова. — Москва : Эксмо, 2025. — 192 с. : цв. ил. — (Кинообложка).

ISBN 978-5-04-209774-4

История Александра Пушкина от лицейских дней до роковой дуэли, рассказанная доступным языком. Узнайте о нем как о Человеке, а не как о бронзовом памятнике.

Пушкин молод, дерзок и любим публикой: он звезда любого бала, поклонники носят его на руках, а девушки мечтают о его внимании. Но ни высокие покровители, ни верные друзья, ни известность не могут отвести от него злой рок — ссылки, дуэли, беднежье. Пока однажды он не встречает ту самую, единственную, кто осветит его жизнь и станет его судьбой. Судьбой гения, которого нам только предстоит по-настоящему узнать.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

- © Производство фильма, ООО «Централ Партнершип», 2025
- © Производство фильма, ООО «Киностудия «Слово», 2025
- © Производство фильма, ООО «Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова», 2025
- © Сценарий, изображения, ООО «Централ Партнершип», ООО «Киностудия «Слово», ООО «Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова», 2025
- © Текст, оформление, ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-209774-4

Глава 1

«Галл талантов!»

Лавка Александра Филипповича Смирдина считалась лучшей в Петербурге. Неудивительно — это был больше, чем просто книжный магазин. В одном месте располагались и библиотека, и книжный клуб, куда можно было прийти в любое время и за чашкой чая побеседовать с книгоиздателями, поэтами, писателями или просто любителями разговоров о судьбах русской литературы. А еще, собственно, сам магазин. Уникальный в своем роде. Именно на его прилавках первыми появлялись все новинки.

Здесь же можно было найти самые популярные и редкие издания.

«Подумаешь, книжный магазин! — усмехнется читатель. — Великое дело!» Ну, как посмотреть. Из сегодняшнего дня — ничего особенного, а вот если из прошлого, то совсем другая картина. Именно благодаря Смирдину в 1831 году в России появился магазин, подобных которому не бывало. Ведь как оно

выглядело еще лет десять назад? Книги хранились в подвалах торговых лавок, и лишь изредка выбрасывались на столы между другими товарами, как мало кому интересный хлам. А в лавке предприимчивого Александра Филипповича русская литература впервые переселилась из подвалов на блестящую витрину. Он первым решил подавать книги как ценность!

И успех не заставил себя ждать.

Хозяин привык к потоку посетителей, но в тот день случилось настоящее столпотворение. Шум, суета, забыв все приличия, уважаемые господа, стоявшие у стены или входа, прижимались ближе к прилавку, толкая и сминая тех, кто впереди. Те же, в свою очередь, вынуждены были почти ложиться на прилавок, с мольбой заглядывая в глаза хозяина. Некоторые дамы драматично тянули свои ручки вперед, но Смирдин был непреклонен:

— Спокойнее! Спокойнее! Раскупили «Онегина».

Но его слова тонули в шуме толпы:

— Извините, мы здесь с восьми утра стоим!

— Да когда же начнут продавать?

— Даю три цены!

— Четыре!

Смирдин уже ничего не отвечал, только устало улыбался. Не без удовольствия надо признать. Приятно же, когда твое дело процветает.

У дальнего стеллажа, уставленного полками, стоял

худощавый молодой человек с гусарскими усиками и сосредоточенным взглядом. Руками он раздвигал книги, а глаза напряженно пробежали по обложкам — не то, не то, все опять не то!

И вдруг — раз! — между полкой и стеной она. Сначала взгляд выхватил знакомое сочетание букв, а вслед за ним рука вытянула с полки столь желанную книгу! Прижав свое сокровище к груди, он, расталкивая толпу, подошел к Смирдину и протянул находку.

На обложке красовалась надпись: «А.С. Пушкин. Евгений Онегин».

— О, так вы — везунчик! — усмехнулся хозяин и ловко достал из-под прилавка оберточную бумагу. — Дайте заверну. Смертоубийства мне еще здесь не хватало. Забирайте-забирайте.

Прежде чем за спиной молодого человека захлопнулась дверь в лавку, он снова услышал уставшие мольбы хозяина:

— Пожалуйста! Не толпитесь! Не толпитесь!

В феврале в Петербурге с особенной силой лютует ветер. Словно перед весной у него открывается второе дыхание. Весны захотели? А вот нет! Еще померзните! Пронизывает насквозь, ловко преодолевая любую преграду. Лучшие меха, самую прочную шнель, бобровую шапку с головы снесет.

Куда уж там пальто молодого корнета (младшего офицера, хоть и гусарского полка).

В центре было как всегда оживленно, почти как в книжной лавке. Да и разговоры все те же.

Вот пробежал газетчик, звонко выкрикивая: «Последние новости про Пушкина!»

Почти над ухом молодого человека послышался голос хозяина мясной лавки, что есть мочи зазывающий покупателей:

— Страсбургский пирог — любимое блюдо Пушкина!

Из соседней лавки, тоже мясной, тут же раздавался возмущенный бас, перекрывающий конкурента:

— Рубленые котлеты — любимое блюдо Пушкина!

Молодой человек плотнее сжал губы и, не глядя на мясников, устремился дальше. Обогнал двух господ средних лет:

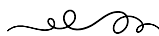
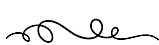
— Сколько у него долгов! — цокал языком один.

— Напротив, он богат! Брат друга моего дяди бывал у него, — со знанием дела констатировал второй.

Молодой гусар прибавил шаг. Справа послышался одобрительный вой толпы. Это в уличном кукольном театре давали «Руслана и Людмилу», а зрители поддерживали богатыря Руслана во время его схватки с Черномором.

Чуть подалее встретилась группа литераторов. Шли неспешно, говорили со знанием дела:

— Что вы?! Никогда он не написал бы такой пошлости.

— Какая наивность, *mon cher*¹, Пушкин порою писал такое, что нельзя при дамах. Кстати, сколько их у него?

— Говорят, у него некрасивая жена, — вмешалась в разговор юная барышня.

— Право, вы сошли с ума! — возмутился литератор средних лет. — Наталья Николаевна — красавица, и у них настоящая любовь.

Молодого гусара разговоры не удивляли. И вряд ли кого удивили бы. О ком же еще говорить? Поэты в то время были самыми популярными людьми. Пушкин же — самым известным среди них. А после выхода «Евгения Онегина» Петербург просто сошел с ума! Публика следила за каждым шагом автора, с ним мечтали познакомиться, просто увидеть, посидеть в одном зале, услышать голос.

И, конечно же, каждый день рождал новые мифы о кумире публики.

А ведь, как это очень часто бывает, почти никто не ожидал от него столь блестящего будущего...

Комната Пушкина в лицее мало чем отличалась от таких же комнат его сверстников: кровать, широкое окно, комод, стол, портреты на стенах. Разве что

¹ мой дорогой (*фр.*).

разбросанные по всем углам листы бумаги, с нервными строчками на них, выдавали в хозяине творческую личность. Или просто не самого собранного человека.

С рассветом через окно в комнату вливался солнечный свет. Пушкин не закрывал шторы. Утренние лучи касались его лица, а он блаженно улыбался во сне. Ему снилось, как толпа почитателей его таланта хором скандирует: «Пушкин! Пуш-кин! Пуш-кин!»

— Пушкин... — раздался шепот из-за двери, — Пушкин!!!

Саша продолжал спать.

Вдруг раздался резкий удар, двери распахнулись и в проеме появился крайне напряженный Данзас.

Грохот заставил Пушкина подскочить на кровати. Он тут же сообразил, что к чему, и вылетел из комнаты в коридор, застегивая на ходу форму. Недовольный Данзас быстро зашагал за ним.

— *Non progredi est regredi!*¹ — подгонял он друга, стараясь говорить тише, но от волнения голос звучал громче, чем хотелось.

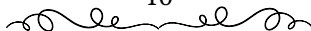
— *Festina lente*², — зевнул в ответ Пушкин.

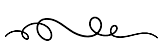
— Как знаешь! Но они уже пришли! — беспечность друга возмущала, говорить тише не получалось.

— Черт!

¹ Не идешь вперед — двигаешься назад! (*лат.*).

² Спешу медленно (*лат.*).

Дверь одной из комнат общежития отворилась, из нее выглянула голова Кюхельбекера. Заспанный и недовольный он уставился на друзей:

— Messieurs¹, к чему хождения с утра?

— Кюхля, спать! — в один голос рявкнули Пушкин с Данзасом и побежали дальше по коридору.

Добежали до лестницы, Пушкин остановился, его мучал вопрос:

— Костя! Данзас! А кто с ним пошел?

— Тихо! — друг показал ему «стой» и прислушался.

— Скажи, кто с ним пошел? Что за несчастная душа согласилась на это, а?

Вместо ответа Данзас резко развернулся и прижал Пушкина к стене.

В это же время в верхнем пролете лестницы показалась фигура Пилецкого-Урбановича, надзирателя лица по нравственной части. Молодые люди замерли, стараясь не дышать. Попадаться на глаза надзирателю в то время, когда все должны быть в постели, точно не стоит — наказания не избежать. Жестокое наказания. Господин Пилецкий-Урбанович не из тех, кто церемонится и прощает даже малую провинность. Про его издевательства в стенах лица ходили легенды. А уж к Пушкину у него была давняя жгучая неприязнь.

¹ Господа (фр.).

Он прошел по коридору неспеша, прислушиваясь. Не заметив ничего подозрительного, надзиратель вернулся в экзаменационный зал, где вовсю шли приготовления.

Воспользовавшись его уходом, Пушкин и Данзас помчались по коридору к входной двери, которая — ожидаемо! — оказалась заперта. Данзас достал украденный ранее ключ и попытался вставить его в скважину. Руки не слушались. Ключ тоже не хотел поворачиваться.

Пушкин выхватил у друга ключ, чтоб самому взяться за дело. «Не идешь вперед — двигаешься назад», — ехидничал он, но вдруг ключ выскользнул из рук на пол, издав громкий звенящий звук.

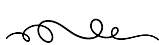
Тут же послышались шаги надзирателя.

Не помня себя, друзья продолжали борьбу с дверью и, наконец, победа! Проход открыт! Вперед!

Когда Пилецкий появился в коридоре, он никого уже не увидел. Дверь была закрыта.

Но его цепкий взгляд заметил крошечную записную книжку, забытую на полу. Открыв ее на первой странице, он довольно улыбнулся.

Затем посмотрел в окно и убедился в своих догадках: по залитой ранним солнцем поляне бежали двое лицеистов. Ну, ничего. Далеко не убегут. Попался, Пушкин!

Участники поединка встретились у леса.

Дуэлянты — наш герой и наглый, надменный Корф, который презирал Пушкина за беспечность, склонность к беспорядку и эмоциональность. И никогда не скрывал этого.

Но плевать на противника! Куда интереснее секунданты — тот самый Данзас и... Пуцин. Пуцин! Друг Пушкина! Так вот почему Данзас молчал! Теперь ясно: как сказать, что секундант врага твой друг?!

Иван Пуцин стоял молча, опустив голову и плечи. Пушкин прожигал его взглядом. Была бы его воля — испепелил бы предателя!

Не в силах далее выносить этот взгляд, Иван подошел к Корфу и почти прошептал:

— Прощу, извинись перед ним. Пушкин просто так не отстанет.

— Заслужил. Слишком наглый! — послышался нарочито громкий ответ.

— Подвинься, Иуда! — Пушкин наконец обратился к Ивану. — В пасти Люцифера новый предатель. Иван Пуцин.

— Саша, не надо высоких слов...

— А как называть того, кто клянется тебе в вечной дружбе и в итоге становится секундантом твоего врага?

— Ты мне не сказал, когда и где будешь драться... Я был вынужден... — оправдывался Пуцин.

— Ну и зачем это? Чтобы опять отговаривать? — вступил Данзас.

— Просить. Саша, я знаю, что ты ничего не боишься, но я боюсь... Не надо. Это настоящее оружие, — его взгляд с опаской скользнул по брошенным на землю шпагам, — я боюсь тебя потерять...

Пушкин задумался. Данзас, заметив это, приблизился к нему:

— погоди, Пушкин! То есть я рискую, краду ключи и шпаги, а он что-то промямлил, и ты забыл все оскорбления?! Не-не, мой друг, так не пойдет! Жребий брошен...

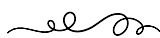
Пушкин помедлил еще несколько секунд и произнес:

— Господин Корф, вам повезло. Я готов выслушать все ваши извинения.

— А я, конечно же, готов их принести, — улыбнулся Корф и, как только послышался отчаянный вздох Данзаса, добавил. — Но за что именно мне извиниться? За то, что назвал вас глупцом?.. Или, может, бедняком?.. Или обезьяной?.. Или...

Он не успел договорить. С каким-то звериным криком Пушкин кинулся вперед, размахивая шпагой и не видя ничего вокруг. Зато Корф видел прекрасно и ловко увернулся от атаки, после чего сам сделал выпад вперед.

— Саша, стой! — бегал вокруг Данзас. — Господа,

стойте! Остановитесь! Это не по правилам дуэли!
Прекратите!

Но нет! Новая атака! Которую снова с легкостью отразил Корф, а затем — раз! миг! взмах шпагой! — и у Пушкина на лице кровь. Это, кажется, привело его в чувства, он оторопел на короткое время, трогая порез на своей щеке... Но через пару секунд отбросил шпагу и кинулся на Корфа врукопашную. На этот раз атака удалась, не ожидавший нападения противник упал на землю. Завязалась неуклюжая драка. Лицеисты катались по земле, осыпая друг друга ударами, размахивая кулаками, как придется. Несостоявшиеся секунданты пытались их разнять, но вскоре сами оказались на земле.

И тут до них донесся крик надзирателя:

— Messieurs!!! Veuillez cesser sur le champ!!!¹

Он бежал прямо к ним и это не предвещало ничего хорошего.

С 1811 по 1817 год Александр Пушкин учился в Императорском Царскосельском лицее, новом учебном заведении для дворян, которое, согласно уставу, должно было подготовить опору государя — чиновников высшего ранга. По уровню образования Лицей приравнялся к университету, и выпускники в свои 17–19 лет сразу же определя-

¹ Господа!!! Немедленно прекратите!!! (фр.).

лись на государственную службу (в зависимости от учебных успехов).

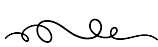
Для поступления в Лицей претенденты проходили строгий отбор. На первый курс было зачислено 30 воспитанников, среди которых — Александр Пушкин, Иван Пущин, Константин Данзас, Антон Дельвиг, Вильгельм Кюхельбекер, Модест Корф, Александр Горчаков, Алексей Илличевский и другие.

Лицей был закрытым учебным заведением, и лицеисты не покидали его стен ни в выходные, ни в праздники. А среди тех, кому было поручено воспитание и образование юношей, были не только профессора, но еще гувернеры и надзиратели. В течение нескольких лет со дня открытия Лицея надзирателем по учебной и нравственной части служил Мартын Степанович Пилецкий-Урбанович, который шпионил как за воспитанниками, так и за преподавателями, постоянно доносил обо всех, не стесняясь в выражениях, оскорбительно отзывался о родных, которые приезжали навещать лицеистов, и отбирал личные записи.

С первых дней среди учащихся стало складываться особое братство, которым они дорожили всю свою жизнь.

Почти у всех лицеистов были прозвища. За свою страсть к французскому языку Пушкина называли Французом, а по его внешности и некоторым привычкам — Обезьяною, и даже — смесью обезьяны и тигра.

У других лицеистов тоже были прозвища:
Александр Горчаков — Франт.

Константин Данзас — Медведь.

Антон Дельви́г — Тося.

Модест Корф — Модинька, Дьячок, Мордан.

Вильгельм Кюхельбекер — Кюхля, Виля.

Павел Мясоедов — Мясожоров.

Иван Пушин — Большой Жанно, Иван Великий.

Лицейсты, как правило, отдавали должное талантам друг друга, но одновременно могли и восхищаться, и насмехаться. Больше всего насмешек доставалось Вильгельму Кюхельбекеру, в том числе и от Пушкина.

Кюхельбекер был на 2 года старше Пушкина. Он отличался прилежностью, был увлечен чтением, но косноязычен, был одновременно добродушен и очень вспыльчив, часто совершал странные поступки, к тому же обладал нескладной внешностью и был глух на одно ухо. Все это давало многочисленные поводы к поддразниваниям и эпиграммам.

Несмотря на это, Пушкина и Кюхельбекера связывала крепкая дружба. Первое, появившееся в печати в 1814 году стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу», было обращено, как считается, именно к Кюхле.

Иван Пушин

Пушин и Пушкин познакомились во время вступительных испытаний в Лицей, с этого и началась их дружба. Пушин был старше Пушкина на один год, в учебе всегда был прилежен, имел блестящие способности и считался

одним из лучших учеников. Пущин был остроумным и общительным, принимал участие во всех сторонах лицейской жизни и пользовался любовью и уважением всех лицеистов.

Комнаты Пущина и Пушкина находились рядом, они часто переговаривались шепотом через тонкую перегородку, обсуждая события прошедшего дня, когда уже никто не мог их услышать. Это еще больше сблизило друзей, понимавших и ценивших друг друга.

Константин Данзас

Год его рождения точно неизвестен, но, вероятнее всего, — 1801. Получил первоначальное образование в Московском университетском пансионе и выдержал вступительный экзамен в Лицей на отлично. Но впоследствии учился весьма посредственно и по поведению не был примерным учеником. Он был шумный, драчливый мальчик, но отличался добродушием. Данзас прекрасно рисовал, и у него был красивый каллиграфический почерк. Прозвище Медведь было дано ему, видимо, за его внешность — он был мешковатым и неуклюжим.

Не прошло и часа, как переодетый в чистое Пушкин, потупив глаза в парту, сидел вместе с другими лицеистами в классе.

Солнце пробивалось сквозь красные шторы. На доске ровным почерком педагога были выведены